

Александр Герасимов

— член Союза Литераторов Российской Федерации. Состоит в Московской организации литераторов, секции «Кашалот». Ведёт собственный блог о технологиях и электронике. Вместе с супругой занимается косплеем — воссозданием образов персонажей из фильмов и игр. Автор многих статей на портале 4PDA, активный путешественник и придиричивый кофеман.

Отрывок из романа «Дети Агамемнона», глава 1

Львиные ворота были безмолвным предупреждением для каждого путника, будь то торговец или воин. Массивный каменный проем в виде правильного квадрата, тяжелая притолока и, конечно же, барельеф с двумя застывшими львами. Суровые, если не сказать — надменные, головы зверей были обращены на дорогу. Всякий, кто осмелился пройти под ними, невольно вжимал голову в плечи, стараясь показаться как можно меньше и неприметней. Ворота подавляли волю, усмиряли гордыню даже в самых стойких сердцах... Они требовали поклонения.

— Только по-настоящему великий город достоин такого зрелища, мой царь, — сказал седобородый Телеф и улыбнулся как мальчишка, не в силах сдержать своего ликования.

Агамемнон, властелин Микен, не ответил, но и его душу переполнял восторг, который отдавался приятным теплом в груди. Наконец-то он дома!

Микенский царь был еще достаточно молод — не так давно он перешагнул рубеж в сорок четыре года. Его руки, как и ум, еще не утратили своей силы. Дома его ждала молодая и прекрасная жена — посланный навстречу гонец вернулся и принес восхитительную весть, что она родила сына несколько дней назад. После двух дочерей — наконец-то мальчик! Супруга подарила ему истинную радость.

Но главным триумфом Агамемнона было не продолжение рода — об этом он беспокоился в другие дни. Его подлинной победой, золотым часом всей жизни, стал недавний поход против троянцев. Родятся и новые дети, а вот поражение величественной Трои навсегда окажется связано с именем Агамемнона.

Победитель!

Сейчас его войско приближалось к Львиным воротам. Царь с любовью посмотрел на изваяния. Безмолвные Стражи — так называли их в народе, и ему нравилось это прозвище. В детстве маленький Агамемнон боялся этих львов — нянька рассказывала, что однажды царевич заплакал, наотрез отказываясь проходить под ними. Его отцу, царю Атрею, даже пришлось тогда отложить поездку.

Теперь же Львиные ворота олицетворяли дом.

Возвращение после более чем восьми месяцев отсутствия казалось слегка... Ненастоящим. Агамемнон молча гадал: сильно ли изменились Микены за то время, что их повелитель провел в блистательном походе? Ему хотелось думать, что город окажется прежним. Сам он, вне всякого сомнения, был уже не тем, что раньше... А вот дому всегда следует оставаться таким, каким его покинул хозяин.

Теперь Агамемнон понимал с отчетливой ясностью, как ему не хватало вида микенских стен, как тосковало его сердце по родным местам. Царь с трудом подавил искушение отдать приказ двигаться как можно скорее: это было бы немилосердно по отношению к уставшим войскам. Он оглянулся на Телефа. Тот, поймав его взгляд, догадался о мыслях царя и тихо сказал:

— Скоро, повелитель. Теперь уже скоро.

Наконец Львиные ворота нависли над ними. Агамемнон вернулся.

Ликующие толпы сбегались со всех концов города, чтобы поприветствовать победоносного властелина. Известия о великой битве уже достигли Микен благодаря вестникам на быстрых скакунах, и у советников царя было достаточно времени, чтобы подготовить встречу. Повсюду

горели костры, раздавались радостные крики. Конь Агамемнона ступал по цветам, устилающим главную улицу. За ним шли войска — гордые, могучие воины.

Агамемнон старался действовать осмотрительно. Раненые бойцы не вступили в город — они появляются здесь на обзолах под покровом ночи. Вид калек с отрубленными конечностями, обезображенными лицами и уродливыми шрамами испортил бы чудесный миг возвращения домой. К тому же, такое зрелище могло посеять зерна горечи в его подданных. Нет, микенские жители сегодня должны узреть только лавровый венец, а не кровь на щите.

Телеф занялся размещением войск в казармах, для пожилого воина это было привычным занятием. Старый рубака, он служил еще отцу Агамемнона, Атрею, и неизменно сопровождал как отца, так и сына в каждом походе, причем брал на себя ответственность практически за все. Сам же Агамемнон торжественно проследовал к своей резиденции в окружении своего личного отряда.

Процессия неспешно подбиралась к дворцу, возвышающемуся над прочими зданиями города. У его подножия войска остановились. Агамемнон легко взбежал по ступеням, возвысившись над всеми и приковав к себе безраздельное внимание.

О, он купался сейчас в лучах блаженства. И не стыдился переполнявшего его торжества.

Агамемнон стоял наверху, а советники и слуги находились в почтительном отдалении. И простой народ, и солдаты царя смотрели на владыку снизу вверх. Вокруг было пустое пространство, но казалось, что оно было полностью заполнено царем — столь велико было сейчас ощущение силы и власти, идущее от него.

— Воины Микен, слушайте! Слушайте, жители города! Ибо царь обращается к вам, — голос Агамемнона гремел, он отдавался бронзовым звоном и был преисполнен силы. — Подлые троянцы повержены, и никто более не осмелится навязывать Микенам свою волю! Мы вернулись домой, увенчав себя честью и славой, которые останутся в преданиях на все времена... Отныне Микены держат первенство на всех землях, которые омывает Большое море. Наши воины — самые искусные бойцы на свете, и нет никого, кто решится оспорить это!

Он раскинул руки, предоставив возможность толпе в упоении кричать его имя. Воздух задрожал от лязга: это его отряд принялся бить мечами в щиты, приветствуя слова владыки. Подождав, когда гул немного стихнет, царь продолжил:

— Мы вернулись, завладев несметными сокровищами Трои. Микены стали намного богаче и сильнее, чем были до вступления в войну. Не всякий поход может похвастаться таким успехом, и в знак царской признательности каждый воин получит двойное жалование, — в толпе раздались новые крики и грохот щитов. — Также будет устроен большой пир с играми в честь победы. Царь приглашает свой народ разделить с ним ликование! Да здравствуют Микены во все времена!

Под бурный восторг всех собравшихся у подножия дворца, Агамемнон повернулся и вошел внутрь. Его подданные последовали за ним, шурша своими одеждами.

Среди них он не заметил жены, и спросил о причинах ее отсутствия.

— Царица Клитемнестра еще не до конца оправилась после родов. Она в своих покоях, — ответили ему.

Слегка раздосадованный, Агамемнон проследовал через мегарон. Там он принял из рук слуги кубок вина, который осушил практически залпом. Только сейчас он ощутил, как сильно устал за время долгого перехода до Микен... Но, не позволив чувству слабости взять верх, царь поинтересовался:

— Мой сын с ней?

— Да, повелитель.

Отослав взмахом руки свое окружение, Агамемнон направился в комнаты царицы, которые располагались в северо-западной части дворца. На полпути царь замедлил шаг. Сейчас он увидит сына, увидит жену. Восемь месяцев — он никогда не отлучался из города так надолго. Что ждет его в покоях Клитемнестры? Но, отбросив все мысли, владыка Микен снова ускорил шаг. И наконец, оказался в просторном помещении.

Это была большая комната с открывавшимся прекрасным видом на холмы и равнину внизу. В центре ее находилось большое ложе, на котором лежала, облокотившись на подушки, Клитемнестра и что-то говорила своей прислужнице.

Завидев Агамемнона, служанка почтительно склонилась перед ним и затем удалилась, повинувшись нетерпеливому жесту царя. Правитель и его жена остались наедине. Агамемнон, обычно властный и уверенный, как будто не решался подойти ближе, а царица широко улыбнулась и приподнялась на кровати, собираясь встать.

— Не надо. Как мне сообщили, роды были трудными и ты до сих пор еще слаба, — Агамемнон покачал головой и быстро подошел к супруге.

— Разве именно эти слова ты хотел произнести спустя более чем восемь месяцев разлуки, мой царь? — в глазах Клитемнестры блуждали лукавые огоньки.

Восхищенный, Агамемнон опустился на одно колено перед ложем и взял ее руку в свою. Он уже успел забыть, как удивительно хороша собой была его жена. Клитемнестра была такой красивой, что за время долгого отсутствия ее образ стал казаться ему иллюзией, сладостной фантазией. Теперь же он впитывал ее облик, наслаждался им — одним только взглядом. Наконец, царь сказал:

— Все это время я тосковал по тебе, любимая. Но теперь сердце наполнено радостью, а душа словно унеслась в Элизиум. Лишь оттого, что снова вижу тебя, Клитемнестра...

Он осторожно пожал кончики ее пальцев, не переставая любоваться супругой.

Царица Клитемнестра была из тех редких в своем великолепии женщин, что всегда будоражили мужскую кровь. Даже теперь, недавно родив сына, она была полна какой-то внутренней силы, жизнь была в ней ключом. Ее черные волосы свободно ниспадали на плечи тяжелой копной, высокие скулы и слегка резкие черты делали лицо царицы несколько неправильным — но вместе с этим придавали образу необъяснимое очарование. Налитая после родов грудь не утратила красоты. Но главная сила таилась в ее глазах... Они были серо-зелеными и вместе с тем будто прозрачными — глядя в них, могло показаться, что смотришь в Большое море, которое меняет свой цвет зимой. Эти глаза влекли к себе и заставляли полностью раствориться в их глубине.

Агамемнон с некоторым трудом подавил в себе пылкое желание возлечь с женой здесь и сейчас. О, Клитемнестра была чудо как хороша! И она знала это.

— Я ждала тебя, Агамемнон. Твой поход был успешен, а дерзкая Троя пала к ногам микенского царства. Ты давно мечтал об этом, и я поздравляю тебя с победой.

Царь поцеловал молодую жену и улыбнулся.

— Где же наш сын? — спросил он.

С некоторым усилием, но все же грациозно, Клитемнестра встала с постели и направилась в западный угол комнаты. Здесь стояла небольшая, искусно украшенная резьбой детская кровать, которую царь не заметил раньше.

— Я хотела назвать его Орест. Но если ты пожелаешь, мы выберем другое имя...

Агамемнон наклонился над кроваткой. Малыш проснулся и что-то загукал. Осторожно, словно величайшую драгоценность, царь взял его на руки. Ребенок протянул свои ручки навстречу — и внезапно вцепился в длинную черную бороду отца.

— Он станет героем, не так ли? — Агамемнон негромко засмеялся. — Орест... Мне нравится твой выбор. «Горец» — это ли не подходящее имя для того, кто должен возвыситься? Пусть будет так.

Ребенок в явном восхищении сильно потянул за бороду, и царь был вынужден передать его матери, причем сделал это не без затруднений. Поглаживая черные волосы, слегка пострадавшие после знакомства с сыном, Агамемнон поинтересовался:

— А где девочки?

— Электра сейчас за чертой города, отправилась на лошадиные луга. Она там проводит третий день подряд. Я посылала за ней, мы увидим ее завтра. А Ифигения наверняка уже спит.

Царь заметил в словах супруги некоторую холодность. Это не удивило его. Обе дочери были детьми от первого брака с Пелопией, которая умерла несколько лет назад. Трудно было требовать от Клитемнестры, волевой и сильной женщины, чтобы она приняла маленьких Ифигению и Электру как собственных детей — но, по крайней мере, при муже она вела себя с ними как достойная мачеха. Большого и не требовалось.

— Я благодарен тебе за сына. И за то, что ты со мной, — тихо сказал он Клитемнестре. Его удивила собственная нежность: в течение последних месяцев этому чувству не было места в его жизни. Царица, казалось, почувствовала его неловкость — и покачала головой:

— За сына тебе стоит поблагодарить, прежде всего, самого себя. Ребенок вырастет в окружении любви и отцовской заботы, я уверена в этом... Но расскажи же мне о войне с Троей! Гонцы приносили вести исправно, однако мне хочется услышать рассказ из уст самого победителя.

И Агамемнон начал говорить. Он рассказывал о высоких троянских стенах, казавшихся неприступными. О ходе осады города и жестокой стычке на его улицах. О героизме нападающих и осажденных. Во всех подробностях поведал он о том, как отряд, ведомый Аяксом и Ахиллесом, прорвал оборону города. О том, как в этой битве пал Ахиллес, оставив скорбеть о великой утрате своего отца, царя Фессалии. Как в пламени пожара сгнули царь Трои Приам и вся его семья...

Все больше увлекаясь воспоминаниями, Агамемнон рассказал Клитемнестре, сколь хитроумные планы для захвата города предлагал Одиссей, как слаженно действовали все остальные микенские союзники. Царь вспомнил, как отступали шаг за шагом защитники города, продолжая сражаться, даже когда их поражение стало неминуемо. Как микенские армии вывозили золото Трои, оставив город гибнуть в запустении под толстым слоем пепла...

Вереница лиц друзей и врагов прошла перед его мысленным взором. Герои Ахиллес и Патрокл, несокрушимый Аякс, жестокий и неутомимый в битве троянский царевич Деифоб, кровожадный Эней, могучий Гектор и пронизательный Идомей, стареющий критский владыка... Многие, многие лица, многие имена. Но мало кому из тех, кого он сейчас перечислил, удалось выжить в беспощадной войне.

И, конечно же, его брат, Менелай... Это была грустная история, но боль от потери уже успела немного утихнуть.

Царь наконец перевел дух. В глазах жены он увидел странный блеск. Она впитывала его слова, словно путник, приникший к кувшину с чистой водой, но выражение ее лица было загадочным. Агамемнон спросил ее об этом.

— Рассказы о битвах и победах всегда... Будоражат меня. Тебе же наверняка известно это чувство, мой царь?

Он понял, что супруга поддразнивает его.

— Конечно. Иначе я не был бы Агамемноном Завоевателем, покорившим все окрестные земли, — он нежно коснулся ее волос.

— И победителем Трои, прославившим свое имя на все времена.

— Это так! — Агамемнон был словно опьянен, он снова почувствовал ту крылатую радость, что ощутил при виде Львиных ворот. Только теперь источником его радости стали супруга и сын. Усталость была забыта, царь чувствовал себя сильным и способным на любой подвиг.

Он вернулся домой.

Продолжение — в романе «Дети Агамемнона».